

решение проблемы.³² Евмений придерживается другого «божественного закона», закона высшего разума, и когда Парфения — после эпизода с кинжалом — отказывается от своих претензий к мужу, она заявляет: «Глас Вышняго и мне устав уже вселяет». Она, как и ее муж, убегает из «плена» своих страстей и «преодолеывает себя».

Суть вопроса здесь не в том, что Сумароков отвергает деистическую, естественнонаучную позицию как таковую, и вовсе не в том, что он отрицает разум этого мира. Хотя Сумароков всегда признавал авторитет логики, он также сильно отвергал наивную веру в всепобеждающую силу человеческого разума. «Здравым рассуждением приближаемся мы к центру познания», — писал он, но до самого центра «смертные никогда не могут коснуться» (VI, 317). Божественный закон — предпосылка и высший, «чистый источник» земного человеческого разума. Бог действует, и драма разрешается — не сверхъестественным образом (как у Хераскова), а через самих людей. Богословская тематика «Пустынника» выходит за пределы трагедий Сумарокова, в которых действие в основном остается в «земной сфере» неизбежных страстей. Можно понимать эту драму как раскрытие «метафизической основы» трагедийного миропонимания Сумарокова, как обнажение гранита и того идеального «центра познания», которого «смертные никогда не могут коснуться», но которое обуславливается «здравым рассуждением». В том же отрывке, в котором Сумароков говорит, что часто учение оказывается тщетным (или даже вредным), он продолжает: «И как бы то ни было, но совесть наша, сия данная нам искра Божества требует того, чтобы мы ни на что не устремлялися, взирая ко добродетели; а особливо памятуя, что есть Бог на свете и что данная нам Богом жизнь возвратится ко своему чистому источнику; так надобно, чтоб она и чиста была. Последуем должности своей: она во добродетели состоит, и ежели есть Бог, так будет и возмездие: а Бог конечно существует» (VI, 231—232). В своих прозаических сочинениях Сумароков часто выдвигает подобные «доказательства» существования Бога, потому что для Сумарокова Бог — центр познания, источник разума, основание добродетели и правосудия, в нем единственно возможное совершенство. Возможность такого совершенства на земле — тема «Пустынника».

На наш взгляд, эту философскую проблематику драмы (и творчество Сумарокова вообще) нужно понимать на фоне просветительской богословской традиции, о которой говорилось выше. В заключение укажу на несколько точек соприкосновения драмы с этой традицией. Ограничу свои наблюдения сравнением некоторых поло-

³² Green M. Kheraskov and the Christian Tragedy. P. 21.